

Отпрыск феодала

Артист Науского районного театра Юсуфджон Джураев считает себя культурным человеком. Он не прочь похвастать тем, что своей игрой на скрипке несет в массы передовое советское искусство. Но если присмотреться к этому человеку повнимательней, в нем можно увидеть черты закоренелого феодала, цепко держащегося за старое и отжившее.

Подвизаясь на театральных подмостках, Юсуфджон Джураев не впитал в себя передовые взгляды на жизнь, не приучился к соблюдению правил и норм социалистического общежития.

По отзывам зрителей Джураев неплохой музыкант. Но за долгие годы работы в театре он творчески не рос, не совершенствовал свое мастерство. К тому же Джураев имеет сильное тяготение выступать не столько в театральных концертах и постановках, сколько на свадьбах и вечеринках.

Сколько раз по вине Джураева срывались спектакли, сколько раз артистам приходилось выступать без скрипки, так необходимой в концерте. Неоднократно Джураева уещевали товарищи: «Нельзя же так относиться к работе, надо считаться и с коллективом, и со зрителями». Все это на Джураева не действовало.

Наконец, дошло до того, что на Юсуфджона Джураева вынуждены были оформить судебное дело.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, Джураев стал клясться и уверять, что больше этого не повторится.

Сердобольный директор театра тов. Азимов, то ли поверив «раскаяниям» Джураева, то ли решив, что он «незаменимый» работник, материалы в суд не передал и скрипач Джураев остался в театре.

Таков Джураев на работе.

В личной жизни Джураев человек, свято оберегающий все те каноны, которые установили до революции господствующие классы. Особенно Джураеву по душе держать жену в кабале и невежестве, запрети, оторванной от участия в производственной и общественной жизни.

Джураеву около сорока лет. Женившись вот уже в третий раз на девятнадцатилет-

ней девушке — ученице 9-го класса, он с первых же дней совместной жизни запретил ей продолжать учебу или поступить на работу, несмотря на робкие возражения молодой женщины, которая хотела стать учительницей. Выходить из дому (что, кстати, бывает весьма редко) Джураев разрешает своей жене только в парандже.

Так волею мужа-феодала, молодая женщина превращена в затворницу, лишенную света и радости. Вспоминая радостное детство, учебу в школе, она тяжело переносит унижения и оскорбления, которыми подвергает ее муж.

А как хорошо могла бы сложиться судьба девушки, не выйдя она замуж за ревностного носителя феодално-байских пережитков, а за передового и в полном смысле культурного человека? Но вся трагедия в том, что она ошиблась, посчитав Джураева именно таким человеком.

В наши дни таких людей, как Джураев, конечно, единицы. Но они еще есть и своим тлетворным влиянием тормозят приобретение женщин — таджичек и узбечек — активному участию в радостном и сознательном труде на благо Родины.

Стремясь «отличиться» от других, Джураев строго соблюдает священный эсплюататорскими классами обычай. А чтобы его рвение заметили, он приобрел по специальному заказу для своей жены дорогостоящую бархатную паранджу, богато расшитую золотом и серебром.

Надев на свою молодую жену новую паранджу, Джураев ждал одобрения: что-то скажут старцы, что-то скажет мулла... Похвалят, небось.

Вот, оказывается, на кого ориентируется Джураев — на муллу.

Не знаем, как мулла, но даже старики не одобрили такую необыкновенную щедрость Джураева. Трудовые советские люди видят в этом не заботу о жене, а стремление закабалить и унижить ее еще больше.

Какой же из Джураева носитель пережитков искусства, когда он по-уши погряз в прошлом?!

Зря пожалел его в свое время директор театра тов. Азимов.

Д. ИЛЬИН.

ПЕНИНАБАДЖОН ПРАВДА
г. Пеннабад

12 СЕН 1950